

У большинства людей фотографии в документах получаются уродливыми. Ли Вэйду не был исключением. В день оформления у него внезапно разболелся желудок, но он, пересилив недомогание, отстоял очередь. В итоге на снимке он выглядел точь-в-точь как мертвенно-бледный, давно голодающий зомби. А вот Цзи Кай на фотографии вышел невероятно красивым — настолько, что Ли Вэйду не удержался и тут же достал телефон, чтобы переснять её.

— Ты чего?

— Хочу распечатать, — со всей серьёзностью ответил директор Ли. — И положить себе в кошелёк.

Сердце Цзи Кая трепетно ёкнуло. Надо же, и он дожил до дня, когда его фото очутится в окошке чьего-то кошелька! Хе-хе-хе... Он смущённо почесал затылок:

— Да ладно тебе, это же чистый обман. Я просто очень фотогеничный, на снимках всегда получаюсь лучше, чем в жизни. Ты же сам заметил, когда в прошлый раз меня фотографировал.

— Ты и в жизни красивый.

— Да ну, не-не-не, таких, как я, пруд пруди. Где уж мне до директора Ли.

Ли Вэйду нахмурился:

— Хм?

— Не директор Ли! Вэйду, Вэйду! — тут же исправился Цзи Кай. — Правда, когда я впервые тебя увидел, сразу подумал, что ты невероятно красивый.

«Хоть и раздражающий, зато красивый». Эту часть он озвучивать не стал. И в следующую секунду они оба переключились в режим взаимных комплиментов.

Впрочем, даже без комплиментов их разговоры в последние дни затягивались надолго. Увлечения у них совпадали почти полностью: оба любили путешествия, искусство, историю, порой обсуждали нераскрытые тайны человечества, увлекались комнатными растениями и обожали животных.

Цзи Кай испытывал страстную любовь к еде, а Ли Вэйду знал миллион тонкостей кулинарного мастерства. Обсудить они могли абсолютно всё — от классической поэзии до философии жизни, и темы у них не иссякали никогда.

Благодаря этому Цзи Кай чувствовал не только полную уверенность в их общем будущем, но и трепетное ожидание.

Разговоры разжгли аппетит, да и как раз подошло время обеда.

Солнечный свет проникал сквозь окно возле кровати, словно танцующие сияющие эльфы. Держась за руки, они спустились вниз. За стенами деревянного домика журчал мелководный ручей — такой же неторопливый, чистый и спокойный, как и их нынешние дни.

В такие моменты людям неизменно хочется добавить немного остроты ощущений.

К примеру, сегодня их планом был стопроцентный вызов самой традиционной русской кухне!

— ...Какой ужас.

Ли Вэйду даже смотреть на это не мог.

Что ещё за «борщ»? Говорили же, что это аналог свекольника, но по цвету совершенно не похоже!

Ярко-красный, классический алый цвет — вылитый завтрак вампира! А в самом центре с каким-то зловещим юмором выложили ложку сметаны с листиком мяты. Невыносимое зрелище.

Цзи Кай возразил:

— Да ты что! По-моему, выглядит насыщенно и очень аппетитно!

Ли Вэйду молча вспомнил размякший фисташковый пирог из далёкого прошлого, который Цзи Кай уплетал с огромным удовольствием.

— Я сначала попробую... М-м-м, вкусно!

Борщ оказался не только аппетитным на вид, но и невероятно вкусным: кисло-сладкий, похожий на мясной бульон с редькой и сливками. Просто объедение!

Ли Вэйду окинул его недоверчивым взглядом.

— Вэйду, попробуй, ну правда! Давай я тебя покормлю. Скажи «а-а»...

Серебряная ложка дёрнулась, и ярко-красная капля выплеснулась на белую эмалированную тарелку.

Цзи Кай замер.

На лице Ли Вэйду отразилась глубокая боль. Он тут же схватил его за руку.

— Почему... почему до сих пор...

Эта рука с дрожью по типу паркинсонизма из-за ПТСР на самом деле почти восстановилась за последнее время, но иногда всё ещё непроизвольно подрагивала.

Впрочем, Цзи Кай предпочитал валить всё на директора Ли: если бы ты не смотрел на меня такими чарующими глазами, я бы не растрогался так сильно, верно?

— Вернёмся — и я найду лучшего специалиста по реабилитации, чтобы он как следует тобою занялся!

— Что, брезгуешь калеккой? — Цзи Кай вытянул длинную ногу и под столом слегка толкнул кое-какое не подлежащее описанию место собеседника. — А кто сегодня утром от этой самой руки так стонал, что слова вымолвить не мог?

Ли Вэйду в мгновение ока вспыхнул от возмущения, и Цзи Кай потом ещё долго хохотал над его реакцией.

...

Дегустация русской кухни продолжалась, и сегодня Цзи Кай открыл для себя Ли Вэйду с новой стороны.

Как можно утверждать, что борщ ужасен, но при этом уплетать просоленную копчёную рыбу с мелкой картошкой?

Этот странный, невероятный вкус, который, по мнению Цзи Кая, мог проглотить только представитель сурового северного народа благодаря своей выносливости, Ли Вэйду ел не торопясь и абсолютно спокойно.

В итоге Цзи Кай с увлечением уплетал две порции борща, а директор Ли полностью забрал себе забракованную им копчёную рыбу с картофелем.

Следом подали жареную курицу.

— Сиди, не двигайся, — с наилучшими намерениями предложил «инвалиду» директор Ли.

— Вэйду, ты... ты что делаешь?

— Очищаю тебе корочку.

— ...

Очищает корочку? Что вообще за бред?!

— Ты что, собираешься есть хрустящую корочку? Я вот всегда ем только мясо внутри, — с совершенно серьёзным видом произнёс директор Ли и добавил: — Мясо у жареной курицы очень нежное.

Нет! Самая суть жареной курицы — это же хрустящая, золотистая корочка! Кто вообще ест жареную курицу ради мяса внутри?!

Постой... Директор Ли, ты хочешь сказать, что не ешь корочку, так что я могу забрать твою?!

Перед Цзи Каем вдруг ещё четче обрисовалось прекрасное будущее их совместной жизни...

— Давай-давай, не переводи продукт! Ешь мясо, а всю хрустящую корочку отдай мне!

Так началась роскошная жизнь, в которой жареную курицу едят исключительно ради корочки. Но этим дело не ограничилось! Вслед за этим подали масляные лепёшки и поджаренные тосты.

Ли Вэйду рвал, резал и отламывал. Цзи Кай был в немом восторге.

Ладно жареная курица, но ведь главная прелесть масляной лепёшки — в золотистой, подрумяненной корочке! Да и у тостов корочка по краям явно вкуснее мякиша!

Директор Ли, да ты просто...

— Директор Ли, директор Ли, с тобой меня ждёт поистине райская жизнь!

Ли Вэйду закатил глаза, отдернул вилку с хрустящей корочкой от носа Цзи Кая и с нескрываемым недовольством откусил огромный кусок.

— Вэйду! Вэйду, я снова оговорился! Правда, язык сам срывается, я не специально!

Сытые и довольные, они завершили обед.

Однако если задуматься, то все самые калорийные куски достались именно ему. Если так пойдёт и дальше, он гарантированно наберёт вес!

Раньше Цзи Кай никак не мог понять, почему многие люди после вступления в брак внезапно полнеют, а теперь его словно озарило.

Если найти себе такого заботливого, хозяйственного партнёра, который великолепно готовит, да ещё и оставляет тебе всё самое вкусное во время еды вне дома... так называемой «счастливой полноты» просто не избежать!

— Не переживай, ты столько тренируешься, что не поправишься.

Нет, если продолжать есть в том же духе, привычных нагрузок явно не хватит!

Цзи Кай задумался:

— О, кстати! Перед отъездом я слышал, что в фитнес-клубе закончили ремонт бассейна с подогревом. Говорят, плавание отлично помогает держать форму. Когда вернёмся домой, сходим вместе?

— ...Я не умею плавать.

— Ничего страшного, я тебя научу! Лично научу!

Научит... Ли Вэйду слегка надул щёки от недовольства. Будто он раньше не учился! Богатенький молодой господин — его с детства заставляли учиться всему понемногу!

Вот только прирождённому сухопутному раку не помог даже нанятый тренер из бывшей национальной сборной. А после нескольких адских тренировок, когда он чуть не утонул насмерть, у него возникла едва ли не физиологическая неприязнь к воде.

Иногда, выбравшись на пляж вместе с Ци Яном и Вэй Сюанем, он мог лишь скучающе сидеть на берегу и наблюдать, как те вовсю резвятся в воде.

— Не хочешь? Ну тогда я буду ходить один?

— Нет, я пойду!

Чтобы ты там светил мокрым телом в фитнес-клубе перед посторонними? Мечтать им не вредно!

...

Ли Вэйду порой казалось, не был ли его Медвежонок в прошлой жизни каким-нибудь целебным корнем из глухих гор, исцеляющим все болезни подряд. Он с лёгкостью лечил мизофобию, бессонницу, ОКР и водобоязнь — справлялся абсолютно со всеми пунктиками.

И возразить ему было просто нечего.

К тому же в последние два дня, с тех пор как тем ранним утром он набросился на него для кое-

каких смущающих, неприличных делишек, его бесстыдство возросло во сто крат.

Каждый день без особого повода он устраивал то прижимания к стене, то другие демонстрации страсти.

Помывшись, нарочно не вытирался досуха, заворачивался в полотенце, благоухая гелем для душа с ароматом клубничного мороженого, и неожиданно дышал горячим воздухом ему на ухо.

Каждый вечер перед сном разыгрывалась обязательная постельная баталия с заявлением: «Сегодня~ ты~ не~ уснёшь~».

А когда они с рюкзаками огибали остров, любуясь заснеженными пейзажами, он то и дело капризничал: «Я устал идти! Поднимусь только за поцелуй!»

Ли Вэйду раньше действительно редко улыбался.

Он полагал, что бесстрастное лицо — его неотъемлемая черта, но на деле оказалось, что стоит лишь войти в режим полного счастья и умиротворения, как это становится неконтролируемым. Теперь у него даже мышцы лица по вечерам посвербливали от постоянных улыбок.

Уже несколько дней подряд на острове проходили новогодние празднования.

При температуре за минус двадцать огромная толпа туристов стояла на тёмном льду, наблюдая за огнями фейерверка, а рядом местные парни-шаманы продавали традиционные шашлыки.

<http://bllate.org/book/18382/1767817>